

О статусе «Я» в культурно-деятельностном дискурсе¹

В.А. Петровский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: vpetrovsky@hse.ru

Присутствующая в научном и обыденном сознании идея Я внутренне парадоксальна, заключая в себе риск регресса в «дурную бесконечность». Так, «Я вижу объект» с очевидностью рождает во мне образ объекта; предположительно, при этом «кто-то» внутри меня видит образ воспринятого объекта и, следовательно, далее рождается образ только что возникшего образа; далее этот новый образ превращается в объект внутреннего восприятия и т. д. и т. п., «до бесконечности». Та же логика регресса в «дурную бесконечность» относится к переживаниям и стремлениям индивида, регрессируя в дали трансцендентального Я. Альтернативу подобному пониманию образует взгляд на Я как динамическое целое в единстве четырех его модусов — «экзистенциальное Я», «феноменологическое Я», «полагающее Я» и «самоценное Я». Преодолевается мнимость того, что будто изначально «во мне», в составе феноменологического Я, есть «кто-то», кто «смотрит», «действует», «переживает». Предполагается, что мнимое Я, опосредуя контакты индивида с его окружением, обретает действительность (субъектность). Источник порождения четырех модусов Я — деятельность индивида в разнообразных проявлениях его активности: ориентировочно-поисковой, уподобительной, целевой и над-адаптивной («деятельности переживания»). Вовлечение Я в культурно-деятельностный дискурс позволяет в едином ключе трактовать идеи, присутствующие в существенно разных по своим исходным посылкам философских и психологических системах.

Ключевые слова: деятельность, культурно-деятельностный подход, экзистенциальное Я, феноменальное Я, полагающее Я, самоценное Я.

Для цитаты: Петровский В.А. О статусе «Я» в культурно-деятельностном дискурсе // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 1. С. 35–40. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190105>

The “I” Status in the Cultural and Activity Discourse²

Vadim A. Petrovsky

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, e-mail: vpetrovsky@hse.ru

The concept of the I that is present in the scholarly and mundane consciousness is inwardly paradoxical, as it contains the risk of regression to “bad infinity”. Thus, “I see an object” obviously creates in me the image of the object; by implication, “someone” inside me sees the image of the perceived object and, consequently, an image of the image, which has just arisen, emerges then; this new image further transforms into an object of internal perception, and so on and so forth, “to infinity”. The same logic of regression into bad infinity applies to the individual’s experiences and aspirations regressing into the far reaches of the Transcendental I. An alternative to such an understanding forms a viewpoint on the I as a dynamic whole in the unity of its four modes, “the Existential I”, “the Phenomenological I”, “the Presuming I”, and the “Self-valuable I”. The assumed fact that initially there is “someone” “in me”, as part of the Phenomenological I, that “feels”, “looks”, “acts” and “experiences”, is revised. It is surmised that the assumed (imaginary) I

¹ В основе статьи — выступление автора на конференции, посвященной 120-летию А.Н. Леонтьева (сохраняется устная форма повествования).

² The article is based on the author’s speech at a conference dedicated to A.N. Leontiev’s 120th anniversary (the oral form of narration is preserved).

Но не абсурд ли пытаться визуализировать невидимку? Автор этих слов (не автор рисунка!) полагает, что да, абсурд!

Предлагаю другое решение. Я трактуется как психофизическое целое в единстве четырех своих атрибутов.

- *Экзистенциальное Я* («Я в ощущении», «Я-чувствование», «Океаническое Я»).
- *Феноменальное Я* («Я в представлении», «Я-фантазийное», «Мнимое Я»).
- *Полагающее Я* («Я в действии», «Я-стремящееся», «Я-воля», «Интенциональное Я»).
- *Самоценное Я* («Аутентичное Я», «Я в переживании», «Я для себя»).

Особую роль в формировании четырех атрибутов (ипостасей) Я, как мы увидим еще, играет *деятельность*, объединяющая в себе многоплановые проявления активности.

Экзистенциальное Я представлено множеством ощущений, или, точнее, *соощущением ощущений: чувствования* [19], «чувственная ткань», «амодальные ощущения» [5]. Такова *ткань субъективности, «материя Я*» («материальная причина», в терминах Аристотеля). В психоанализе экзистенциальному Я отчасти соответствует «океаническое чувство», отмеченное Р. Ролланом и фигурирующее в переписке Зигмунда Фрейда с писателем [23].

Деятельность, причастная к появлению экзистенциального Я, представлена *активностью* индивида, превращающей «раздражимость» тела в *ощущение* как таковое (ориентировочно-поисковая активность в культурно-деятельностной парадигме). Идея соощущений как «материи» Я — это, в некотором смысле, реинкарнация известных взглядов Дэвида Юма [22] и Эрнста Маха [8] на природу Я.

Феноменальное Я. Это образ индивида как телесного существа в сочетании с образами других элементов среды, что образует в целом структурированное феноменальное поле («территория Я», Джеймс [1]). Сказанное представимо в виде конфигурации впечатлений, представлений, фантазий и может быть схематизировано в виде «человечков» и символов

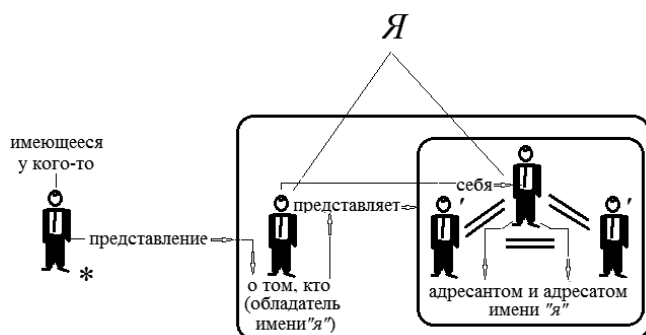

Рис. 3. «Человечки» вкупе с комментариями-цепочками слов. Заметим, что слова-комментарии — это не пояснение «кто есть кто» в расчете на читателя. Это такая же часть структурированного феноменального поля, как и другие элементы, его образующие [12]

присутствия их друг в друге, а также «вещей», наличных и отраженных. Кроме того, территория Я включает в себя траектории связи между элементами, визуально-звуковые дорожки, они сопрягают образы людей и вещей; мы говорим о них «треки» (рис. 3).

Все это, в процессе развития Я, индивид будет считать «своим», говоря «Моё» [1]. Данная схема роднит наше понимание феноменального Я с построениями В.А. Лефевра [6; 7] — творца «человечков», более полувека обитающих на просторах организационно-деятельностных игр Г.П. Щедровицкого и его последователей [21].

Такой взгляд на Я существенно корректирует обыденные представления, отличаясь от них *в принципе*. Как часть феноменального поля, «нарисованное» Я само по себе ничего не «воспринимает», не действует «из себя», не готово что-либо «переживать». Иллюстрация сказанному — фрагмент феноменального поля, зарисованный Эрнстом Махом [8] (рис. 4).

Могут спросить: «А кто, всё-таки, видит субъективные содержания-творения психики?» — Я отвечаю: «Никто». Картинная галерея пуста. В ней зрителей нет. Нет художника. Его автопортрет присутствует. Но это — также картина, одна из находящихся в галерее [9]. Ни один из элементов феноменального поля, ни одно из их сочетаний не заключают в себе активность, не наделены тайной «психической энергией», «психической причинностью», по В.В. Зеньковскому, о чем ничтоже сумняшеся писали и пишут до сих пор многие, что вызвало некогда жесткую критику Густава Шпета (в своих критических работах он жестко подчеркивал «не-энергичность» Я [20]).

Феноменальное Я — результат *уподобительной (отражательной) активности*, «впитывающей» в себя социокультурные реалии жизни: поведение людей, движение вещей, акты коммуникации, знаки и обращение с ними, образ собственного подвижного физического тела индивида — всё то, что формирует «территорию Я». В контексте уподобительной активности складывается целостный «образ мира» [5], синтезирующий многообразные элементы феноме-

Рис. 4. Феноменальное Я (Мах [8, с. 37])³. Подсказка: бровь, нос, усы

³ В статье [12] автор подробнее комментирует этот рисунок.

нального поля, мнимые «вижу», «переживаю», «действую», некоторый «оттиск» мира (социума, культуры, вещей) в материале «чувствований» индивида (узора соощущений).

Наш тезис, далее, состоит в том, что Феноменальное Я, в виде узора соощущений, опосредует взаимодействие индивида с его окружением. Подразумевается, что комбинации элементов структурированного феноменального поля способны направлять поведение, конфигурируя контакты индивида с миром. *Такое Я* — модель *возможного будущего*, «формальная причина», по Аристотелю.

Полагающее Я проявляется в действии. Характеризуя данный модус Я, мы вводим понятие о *бессубъектной активности* [14], что означает *динамический материал становящейся деятельности*. Некогда «в пользование» благодарным потомкам Иммануил Кант оставил краткое и весьма изящное определение активности — «*причинность причины*». При этом *Цель* не была прописана в дефиниции активности. Бессубъектная активность, как «часть» деятельности, не характеризуется целенаправленностью.

Принимаем три допущения:

1) активность человеческого индивида *не всегда* имеет целевой характер, т. е. может быть, в частности, *бессубъектной*;

2) встречаясь с «картинкой» (где уже «нарисованы» «субъект», с его «внутренним миром» и другими элементами структурированного феноменального

поля), активность приобретает *ориентированный характер* (рис. 5)⁴.

3) Процессы целенаправленного обусловлены несопадением структур феноменального Я, опосредующих активность, и новых структур, соответствующих произведенным результатам активности. Возможный в этом случае *диссонанс* рождает импульс к преодолению несоответствия, и таким образом Я превращается в *действующую причину* (в терминах Аристотеля) последующих актов. В феноменальном поле появляется модель *потребного будущего* (используем в новом контексте известный термин Н.А. Бернштейна). Она побуждает и направляет активность. Так, мираж родника в пустыне сам по себе не утоляет жажду, но он побуждает и направляет поведение путника — иногда к роднику, иногда — мимо.

Самоценное (Аутентичное) Я — переживание полноты собственной субъектности. При совпадении потребного и произведенного эффектов активности рождается ощущение *консонанса*, переживаемого как наслаждение, будь то наслаждение *покоем* (по З. Фрейду), или *возбуждением* (в концепциях гетеростаза)⁵. Наслаждение здесь — *конечная причина* (по Аристотелю) *над-адаптивной* активности [16] (в виде самовозобновляющейся «*деятельности переживания*» [15]). В терминах Е.Б. Старовойтенко [18], можно было бы сказать об обретении и воспроизводстве высшего состояния «самотождества Я», «ясности Я». Развивая метафору путника, идущего к миражу, ска-

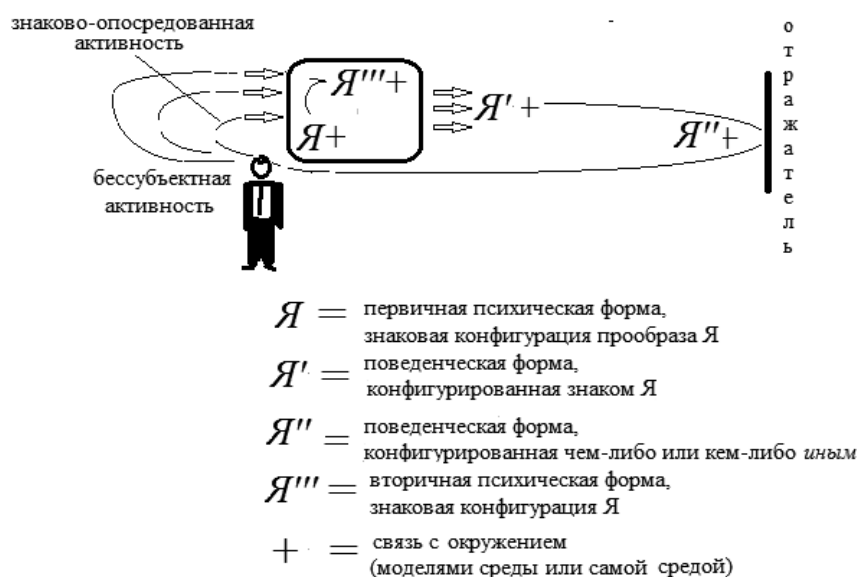

Рис. 5. Конфигурация Я — это не только посредник в ряду «активность—знак—мир», но и форма поведения ($Я'$), изоморфная конфигурации феноменального поля; отразившись в объекте, превратившись, тем самым, в новый поток импульсов ($Я''$), активность возвращается к своему истоку (индивид) и наводит новый порядок в знаковом психическом поле ($Я \neq Я'''$) или подтверждает прежний порядок ($Я = Я'''$). Это значит, что Я приобретает статус знака: Я (означающее) соединяется с $Я'''$ (означаемым). Допустимо предположить, что именно это объединение соответствует фиктеанскому «Я есмь»

⁴ В то время как в известной трактовке *идеального* у Э.В. Ильенкова [3] деятельность перенимает форму вещи, существующей вовне, обеспечивая ей вторую жизнь («бытие вещи вне вещи»), в нашем случае идеальное *исходит* от Я, узора соощущений во внутреннем мире.

⁵ В завершающейся магистерской диссертации Н.Р. Анашкина (НИУ ВШЭ, департамент психологии, 2023) развивается идея счастья как *преисполненности наслаждением*; счастье самоценно и заключает в себе перспективу быть испытанным еще и еще. Признавая это, мы должны согласиться, что счастье, как ценность — всегда «за-не-за-чЕм», а выражение «мимолетное счастье» — оксюморон.

жем, что в этом случае мираж родника превращается в сам родник, утоляющий жажду. Подробнее — в ряде наших статей [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16].

В итоге Я предстает как целостность — *causa sui* («причина себя»), объединяющая в себе *четыре причины* (по Аристотелю) — *материальную* («из чего»), *формальную* («по форме чего»), *действующую* («из-за чего») и *конечную* («для чего»).

В заключение позволим себе несколько обобщающих слов о возможном статусе Я в культурно-деятельностном дискурсе. Думаю, что категория Я представляет собой уникальное условие возможной интеграции идей, разрабатываемых в разные времена истории творцами разных философских и психологических систем — идей Д. Юма («я» есть узел или комплекс текущих восприятий), Б. Спинозы (*causa sui*, «причины себя»), И. Фихте («Я есмь»), Э. Маха (Я как устойчивый комплекс ощущений), Л.С. Выготского Я в контексте психологических систем и орудийной функции знаков), В.А. Лефевра (с его «человечками» и алгеброй рефлексии), М.К. Мамардашвили...

Вспоминаю один эпизод. Мне повезло оказаться в тот драматический час в кабинете у Алексея Никола-

евича Леонтьева. При мне состоялся телефонный разговор, и событие, о котором шла речь, было печальным — Мераб Константинович снят с должности главного редактора журнала «Вопросы философии». Леонтьев впервые слышит об этом. Что же произошло? Оказывается, кто-то из великих советских философов, сильных мира сего, публично, назвал Э.В. Ильенкова «махистом» (в те времена это звучало как приговор); и тогда Мамардашвили, звучным артистическим шепотом, на весь зал, произнес: «Лучше быть махистом, чем дураком». Помню, с каким удовольствием и едким смешком, прищурившись, Леонтьев процитировал тогда эти слова Мераба Константиновича.

Итак, заключаю. Существует много работ, посвященных Я, как особой таинственной сущности. Авторы этих работ мыслят Я по аналогии с объектами естественно-научного познания, существующими «по ту сторону» самого исследователя (звезды, птицы, вулканы и т. п.). Между тем Я — «не совсем» объект, а скорее «конструкт», формируемый нами и каждый раз оживающий при обращении к нему, как источнику, цели, средству и результату осуществляемой деятельности.

Литература

1. Джеймс У. Психология. М.: Рипол-классик, 2008. 616 с.
2. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянской культуры, 1990. 592 с.
3. Ильенков Э.В. Идеальное // Культурно-историческая психология. 2006, Том 2. № 2. С. 17–28
4. Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Тайм-аут, 1993. 300 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 130 с.
6. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: ИП РАН, 2000. 134 с.
7. Лефевр В.А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. 496 с.
8. Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Изд. дом «Территория будущего», 1905. 304 с.
9. Петровский В.А. Человек над ситуацией. — М.: Логос, 2010. 559 с.
10. Петровский В.А. Существует ли Я — субъект познания, воли, переживаний // Методология и история психологии. 2010а. Вып. 1. С. 136–148.
11. Петровский В.А. Мысль? — Да! Но существу ли? // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 12–26.
12. Петровский В.А. Я в мысли, и я наяву: как возможно существование Я? // Проблема «Я»: философские традиции и современность / Под ред. В.Н. Поруса. М.: Альфа-М, 2012. С. 195–222.
13. Петровский В.А. Я: конфигурации артефакта // Культурно-историческая психология. 2013 № 1. С. 63–78.
14. Петровский В.А. Психофизическая проблема: «кто» видит мир? (эскиз проблемы взаимоотношений) // Методология и история психологии. 2008. № 1. С. 58–83.
15. Петровский В.А. Преодоление «схизиса»: в продолжение несостоявшегося диалога с Ф.Е. Василюком // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 1. С. 64–69.

References

1. Dzheims U. Psikhologiya [Psychology]. Moscow: Publ. Ripol-klassik, 2008. 616 p. (In Russ.).
2. Zinchenko V.P. Soznanie i tvorcheskii akt [Consciousness and creative act. Moscow: Publ. Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1990. 592 p. (In Russ.).
3. Il'enkov E.V. Ideal'noe [Ideal]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2006. Vol. 2, no. 2, pp. 17–28 (In Russ.).
4. Kant I. Kritika chistogo razuma. Saint Petersburg: Time-out, 1993. (In Russ.).
5. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1975. 130 p. (In Russ.).
6. Lefevr V.A. Konfliktuyushchie struktury [Conflicting structures]. Moscow: IP RAN, 2000. 134 p. (In Russ.).
7. Lefevre V.A. Reflection. Moscow: Kogito-Centre, 2003. 496 p. (In Russ.).
8. Makh E. Analiz oshchushchenii i otnoshenie fizicheskogo k psikhicheskomu [Analysis of sensations and the relation of the physical to the mental]. Moscow, 1908. 308 p. (In Russ.).
9. Petrovskii V.A. Chelovek nad situatsiei [The person is above the situation]. Moscow: Logos, 2010. 559 p. (In Russ.).
10. Petrovskii V.A. Sushchestvuet li Ya — sub'ekt poznaniya, voli, perezhivaniĭ [Does I exist — the subject of knowledge, will, experiences]. *Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and history of psychology]*, 2010a. Issue. 1, pp. 136–148. (In Russ.).
11. Petrovskii V.A. Myslyu? — Da! No sushchestvuy li? [Thinking? — Yes! But do I exist?]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2011, no. 3, pp. 12–26 (In Russ.).
12. Petrovskii V.A. Ya v mysli, i ya nayavu: kak vozmozhno sushchestvovanie Ya? [I am in thought, and I am in reality: how is the existence of I possible?]. Moscow: Alfa-M, 2012, pp. 195–222 (In Russ.).
13. Petrovskii V.A. Ya: konfiguratsii artefakta. [Petrovsky V.A. I: artifact configurations]. *Kul'turno-*

16. Петровский В.А. Активность, деятельность, индивидуальность: между вчера и завтра (методологические заметки) // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2020. № 2(102). С. 20–31.
17. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
18. Старовойтенко Е.Б. Самоощущение Я во внутреннем диалоге // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Том 16. № 3. С. 434–456.
19. Ухтомский А. Доминанта. СПб.: Питер, 2019. 505 с.
20. Шпет Г.Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры. М.: РОССПЭИ, 2010. 487 с.
21. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит, 1995. 759 с.
22. Фикте И.Г. Сочинение: в 2 т. Т. 1. СПб.: МИФРИЛ, 1993. 686 с.
23. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании. М.: Канон, 1995. 400 с.
24. Freud S. Das Unbehagen in der Kultur // Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1930. 136 p.
- istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2013, no. 1, pp. 63–78. (In Russ.).
14. Petrovskii V.A. Psikhofizicheskaya problema: “kto” vidit mir? (eskiz problemy vzaimoposredovaniya) [Psychophysical problem: “who” sees the world? (a sketch of the problem of mutual mediation)]. *Methodology and history of psychology*, 2008, no. 1, pp. 58–83. (In Russ.).
15. Petrovskii V.A. Preodolenie «skhizisa»: v prodolzhenie nesostoyavshegosya dialoga s F.E. Vasilyukom [Overcoming the “schism”: in continuation of the failed dialogue with F.E. Vasilyuk]. *Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2019. Vol. 15, no. 1, pp. 64–69. (In Russ.).
16. Petrovskii V.A. Aktivnost’, deyatel’nost’, individual’nost’: mezhd u vchera i zavtra (metodologicheskie zametki) [Activity, activity, individuality: between yesterday and tomorrow (methodological notes)]. *World of Psychology*, 2020, no. 2(102), pp. 20–31. (In Russ.).
17. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of general psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2002. 720 p. (In Russ.).
18. Starovojtenko E.B. Samotozhdestvo YA vo vnutrennem dialoge [Starovojtenko E. B. Self-identity I in the internal dialogue]. *Psychology of HSE*, 2019. Vol. 16, no. 3, pp. 434–456. (In Russ.).
19. Ukhtomskij A. Dominanta [Ukhtomskij A. Dominant]. Saint Petersburg: Piter, 2019. 505 s. (In Russ.).
20. Shpet G.G. Filosofskaya kritika: otzyvy, retsenzii, obzory. [Philosophical criticism: reviews, reviews]. Moscow: Publ. РОССПЭИ, 2010. 487 p. (In Russ.).
21. Shchedrovitskii G.P. Izbrannye trudy [Selected Works]. Moscow: Sch. Polit., 1995. 759 p. (In Russ.).
22. Fikhte I.G. Sochinenie v dvukh tomakh [Composition in two volumes]. Saint Petersburg: MIFRIL, 1993. 686 p. (In Russ.).
23. Yum D. Traktat o chelovecheskoi prirode. Kniga pervaya. O poznanii [Hume D. Treatise on human nature]. Moscow: Kanon, 1995. 400 p. (In Russ.).
24. Freud S. Das Unbehagen in der Kultur. Internationaler Psychoanalytischer Verlag; Language. German; 1930, pp. 136.

Информация об авторах

Петровский Вадим Артурович, доктор психологических наук, научный руководитель Центра фундаментальной и консультативной персонологии департамента психологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия. <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, E-mail: vpetrovsky@hse.ru

Information about the authors

Vadim A. Petrovsky, Doctor of Psychology, professor, Personality Psychology Chair, ordinary professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5931-0738>, E-mail: vpetrovsky@hse.ru

Получена 02.03.2023
Принята в печать 21.03.2023

Received 02.03.2023
Accepted 21.03.2023